

Научная статья / Article

УДК 903.5(571.54)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2021\)33\(4\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2021)33(4).-08)

ДРЕВНИЕ РИТУАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ ОКИНСКОГО ПЛОСКОГОРЬЯ (ВОСТОЧНЫЙ САЯН)

Василий Иванович Ташак¹, Артур Викторович Харинский^{2,3},
Матвей Александрович Портнягин²

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

²Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

³Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

¹tvi1960@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-9915>

²kharinsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

³matirk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7245-105X>

Резюме. Сакральные представления занимали одно из важнейших мест в жизни древних сообществ. Свидетельствами подобных представлений могут являться каменные конструкции, использовавшиеся для различных обрядовых действий и имевшие в зависимости от своего функционального назначения ряд конструктивных отличий. Несколько подобных сооружений были выявлены на территории Окинского района Республики Бурятия. Часть из них имеет четырехугольную, круглую или кольцевую форму и диаметр до 2 м, другие — круглую курганообразную или плоскую форму диаметром 3–6 м.

Первые раскопки крупных каменных кладок круглой формы были предприняты в 1870 г. П.А. Ровинским возле Окинского караула (археологический объект Ока, пункты 1 и 2). Исследователь охарактеризовал раскопанные им конструкции как кенотафы или жертвенные места. Еще две крупные каменные кладки раскопаны А.В. Харинским в 2020 г. на археологическом объекте Шаснур-3. Основываясь на материалах раскопок и используя этнографические данные, круглые каменные кладки Горной Оки диаметром 3–6 м можно рассматривать как кенотафы. Одна из малых кольцевых кладок исследована В.И. Ташаком на археологическом объекте Зун Номто-Гол-1. Ее, как и другие кладки диаметром до 2 м, учитывая данные этнографии, можно характеризовать как древние жертвенники, посвященные духам — хозяевам местности.

Ключевые слова: древние ритуальные объекты, могильники, Восточный Саян, Окинское плоскогорье, херексур, кенотаф, обряд «хан табилга», «хозяин местности», обряд «милан»

Благодарности: исследования В.И. Ташака, отраженные в данной статье, осуществлялись в рамках государственного задания, проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», №121031000241-1.

Полевые исследования В.И. Ташака 2020 г., материалы которых вошли в данную статью, осуществлялись при поддержке Правительства Российской Федерации 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии». Полевые исследования А.В. Харинского и М.А. Портнягина на территории Окинского района, материалы которых вошли в эту статью, проводились благодаря финансовой поддержке Группы компаний Бест — руководитель Г.К. Рыков и компании АН Инвест — руководитель А.Н. Недбаев. Авторы признательны всем, кто помог осуществить работы, предпринятые в 2020 г. в Окинском районе.

Для цитирования: Ташак В.И., Харинский А.В., Портнягин М.А. Древние ритуальные объекты Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, №4. С. 132-156. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2021\)33\(4\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2021)33(4).-08).

ANCIENT RITUAL OBJECTS OF THE OKA PLATEAU (EASTERN SAYAN)

Vasily I. Tashak¹, Artur V. Kharinskii^{2,3}, Matvei A. Portniagin²

¹*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia*

²*Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia*

³*Irkutsk State University, Irkutsk, Russia*

¹*tvi1960@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-9915>*

²*kharinsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>*

³*matirk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7245-105X>*

Abstract. Sacral beliefs took one of the most important spheres in the life of ancient societies. The evidence of such beliefs can be recognized in stone constructions used for various ritual activities and differentiated by architectonic features depending on their functionality. Some of such constructions were found on the territory of the Oka region (Buryat Republic). One part of them has a four-angled, circular, or ring-shaped form and a diameter up to 2 m; the other had circular burial mound-like or flat configuration with a diameter of 3–6 m.

The first excavations of the large stone mounds of the circular form were carried out in 1870 P.A. Rovinskiy near the Oka guard fort (archeological site Oka, locality 1 and 2). The researcher characterized excavated constructions as cenotaphs or sacrificial places. In 2020 A.V. Kharinskiy excavated other two large stone mounds at the Shasnur-3 archeological site. Based on materials from excavations reinforced with ethnographical data, we can regard circular mounds with the 3–6 m diameter in the Mountain Oka region as cenotaphs. One of the small ring-shaped stone settings was investigated by V.I. Tashak at the Zun Nomto-Gol-1 archeological site. Taking into consideration the ethnographical data, the setting from Nomto-Gol-1 as other stone settings with a diameter up to 2 m can be characterized as ancient sacrificial places devoted to the spirits — hosts of the local landscapes.

Key words: ancient ritual objects, burial grounds, Eastern Sayan, Oka plateau, khirgisuur, cenotaph, khan tabilga rite, “host of the local landscape”, “Milan” rite

Acknowledgements: V.I. Tashak performed research within the framework of the project “Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States”, №121031000241-1.

The field research of V.I. Tashak 2020, the materials of which are included in this article, was carried out with the support of the Government of the Russian Federation 14.W03.31.0016 “Dynamics of Peoples and Empires in the History of Inner Asia”. A.V. Kharinskii’s and M.A. Portniagin’s field research on the territory of the Okinsky district, which materials were included in this article, were carried out thanks to the financial support of the Best group of companies headed by G.K. Rykov and the AN Invest company headed by A.N. Nedbaev. The authors are grateful to everyone who helped to carry out the work in 2020 in the Okinsky District.

For citation: Tashak V.I., Kharinskii A.V., Portniagin M.A. Ancient Ritual Objects of the Oka Plateau (Eastern Sayan). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2021;33(4):132-156. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2021\)33\(4\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2021)33(4).-08)

Введение

Окинский район занимает крайнюю западную позицию в Республике Бурятия и наряду с Тункинским районом расположен западнее озера Байкал, тогда как вся остальная территория республики находится на юге, востоке и северо-востоке от Байкала. Центральная часть Окинского района, входящего территориально в Са-

янскую горную систему, представлена Окинским плоскогорьем, окруженным горными хребтами Восточный Саян и Большой Саян. Саянская горная система охватывает юго-запад Восточной Сибири, включая на юге территорию Северной Монголии. Главная водная артерия Окинского плоскогорья — р. Ока пересекает территорию района с юга на север, прорезает хребет Восточный Саян и впадает с юго-западной стороны в Ангару. Плотное окружение горными хребтами долгое время делало Окинское плоскогорье труднодоступным, тем не менее люди проникали сюда начиная с каменного века. Труднодоступность Окинского плоскогорья ставит серию вопросов при рассмотрении далекого прошлого этих мест. Наиболее актуальные из них связаны с путями проникновения сюда людей и истоками формирования различных спектров культуры древнего населения района. Изолированность центральных районов Саянской горной страны могла повлиять на возникновение специфических черт в материальной и духовной культуре людей, проникавших сюда в различное время и составлявших основу населения Горной Оки. Гипотетически проследить пути проникновения людей на территорию Окинского плоскогорья можно, анализируя географическую ситуацию, согласно которой все реки Окинского плоскогорья имеют сток в Ангару, т.е. связаны с Приангарьем. Речные долины и сами реки представляются как наиболее удобные и наиболее вероятные пути проникновения людей в верховья долины Оки и ее притоков. На основе этих данных именно Приангарье можно рассматривать как наиболее вероятную территорию, с которой осуществлялось заселение Окинского плоскогорья. Однако окончательные ответы на эти вопросы могут быть даны только на основе материалов, полученных непосредственно на археологических объектах района и на основе их корреляции с данными сопредельных территорий.

Одним из перспективных направлений археологического исследования рассматриваемого района является изучение древних ритуальных объектов, обозначенных на поверхности земли каменными конструкциями. До начала раскопок определить их назначение бывает достаточно сложно. Лишь после того, как будет разобрана каменная конструкция и под ней проведена расчистка грунта, становится ясно, захоронение это или сооружение иного ритуального назначения, охарактеризовать которое бывает порой очень проблематично. Проведенные к настоящему времени исследования на территории Окинского района позволяют сделать предварительную систематизацию ритуальных объектов с каменными конструкциями и наметить дальнейшие направления их изучения. До 2021 г. на Окинском плоскогорье не было раскопано ни одного захоронения, поэтому часть археологических объектов, которые предыдущие исследователи считали погребениями, на самом деле таковыми не являются и связаны с ритуальными действиями иной направленности.

Первые данные об археологии Окинского плоскогорья были обнародованы П.А. Кропоткиным, возглавлявшим в 1865 г. экспедицию, ориентированную на исследования местной географии и геоморфологии. Попутно им было описано два археологических местонахождения из окрестностей Окинского караула — это наскальные рисунки утеса Монгольжин и каменные выкладки округлой или овальной формы у Окинского караула (Кропоткин, 1867, с. 57) — археологический объект Саяны-1, или Ока, пункт 2, согласно современным учетным данным. П.А. Кропоткин предположил, что увиденные

им каменные конструкции — это остатки древних жилищ (Кропоткин, 1867, с. 57). Спустя небольшой промежуток времени, в 1870 г., в Окинский караул отправился П.А. Ровинский с задачей проверить сообщение П.А. Кропоткина о древних жилищах на берегу р. Оки. Поездка П.А. Ровинского (1871, с. 38, 39) к Окинскому караулу, по сути, была первой целенаправленной археологической экспедицией на Окинском плоскогорье, в ходе которой были осуществлены и первые археологические исследования — раскопаны две каменные кладки в окрестностях караула. Результатом этих работ стал вывод о том, что раскопанные каменные кладки не являются остатками жилищ и под ними нет захоронений — это не надмогильные конструкции. Данные каменные кладки были определены как кенотафы или жертвенные места (Ровинский, 1871, с. 38, 39).

Поездка П.А. Ровинского положила начало исследованиям древних ритуальных объектов, расположенных на Окинском плоскогорье. Несмотря на столь раннее, в рамках становления археологии в России, начало археологического изучения Окинское плоскогорья, в дальнейшем, включая и весь XX в., посещения археологами этой территории остаются эпизодическими, раскопные работы здесь не проводятся. Как правило, посещения археологами Окинского района сопровождались поверхностным осмотром местонахождений и сбором подъемного материала. В результате таких посещений к концу XX в. было зафиксировано немногим более трех десятков различных археологических местонахождений, среди которых около половины местонахождений с каменными конструкциями на поверхности. В местонахождениях отмечается от одной до нескольких десятков каменных кладок, которые интерпретировались как погребения. К настоящему времени накоплена и проанализирована некоторая база данных по этим объектам, что позволяет сделать предварительные выводы об их характере и времени сооружения, а также о путях проникновения на Окинское плоскогорье людей, оставивших здесь следы ритуальной деятельности.

Ритуальные объекты Горной Оки

После работ П.А. Кропоткина и П.А. Ровинского археологические исследования на территории Горной Оки возобновляются только в XX в. В ходе экспедиции, целью которой являлось изучение жителей Окинское плоскогорья — соетов, Б.Э. Петри в 1926 г. попутно производил археологические исследования. Он обнаружил стоянку эпохи неолита на левобережье р. Оки, вблизи устья Жомболока. Данные об археологических находках не были опубликованы, а сами материалы переданы на хранение в Иркутский краеведческий музей (Савельев, 1991, с. 85).

После следующего длительного перерыва целенаправленные поиски археологических местонахождений в Окинском районе проводились в 1974 г. сотрудниками Института общественных наук СО АН СССР А.В. Тиваненко и А.Д. Жалсараевым, которые осуществляли учет уже известных и поиск новых археологических объектов. Первую крупную обобщающую работу по всем известным выявленным археологическим местонахождениям Окинское плоскогорья осуществил в первой половине 1990-х гг. сотрудник Института общественных наук СО РАН Б.Б. Дашибалов. В своем отчете он упомянул 32 известных на тот момент археологических объектов (Дашибалов, 1994), среди которых 14 были с каменными кладками на поверхности, 12 из них были определены Б.Б. Дашибаловым как могильники и два — как жертвенники. Следующая работа тако-

го типа была осуществлена сотрудником НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Д.А. Миягашевым (2012), в отчете которого указано 29 археологических объектов Окинского района, для каждого из которых были установлены границы и указаны координаты. В составе учтенных археологических объектов указано 16 могильников, а один объект был определен как святилище. Таким образом, к 2012 г. на территории Окинского плоскогорья было выделено три древних объекта ритуального назначения: святилище Шамхаг-Байсан и два жертвенника — Шаснур-6, Хурга-3 (рис. 1). При этом оценка каменным кладкам возле Окинского караула, данная П.А. Ровинским как жертвенникам или кенотафам, учтена не была.

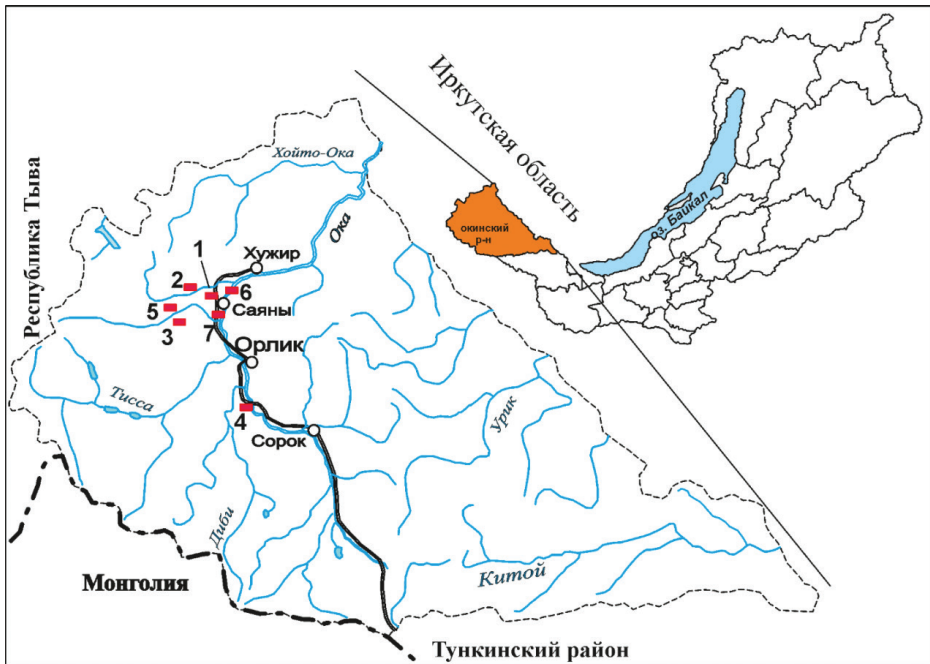

Рис. 1. Схема расположения древних ритуальных объектов Окинского плоскогорья: 1 – Шамхаг-Байсан; 2 – Шарза-2; 3 – Шаснур-6; 4 – Хурга-3; 5 – Шаснур-3; 6 – Зун Номто-Гол-1; 7 – Ока (Саяны-1)

Fig. 1. The layout of the ancient ritual objects of the Okinsky plateau: 1 – Shamkhag-Baysan; 2 – Sharza-2; 3 – Shasnur-6; 4 – Hurga-3; 5 – Shasnur-3; 6 – Zun Nomto-Gol-1; 7 – Oka (Sayany-1)

Из трех названных ритуальных объектов были опубликованы материалы исследований только одного из них — святилища Шамхаг-Байсан (Антонова, Миягашев, 2013). Святилище включает, согласно авторам исследования, наскальные рисунки на отвесных скалах утеса, протянувшихся вдоль левобережья Оки почти ровно по линии С–Ю с небольшим отклонением на восток, и плоскую прямоугольную кладку из скальных обломков длиной 9,5 м и шириной 1,7 м, выглядящую как короткая, но четко различимая каменная дорожка (рис. 2.-1). На северо-западном конце дорожки, протянувшейся по линии СЗ–ЮВ, наблюдается треугольное расширение, которое интерпретирует-

ся как наконечник. У местного населения данная каменная дорожка известна под названием «Стрела Гэсэра». Стрела указывает на скалу, у подножия которой она находится. Почти по линии направления стрелы располагается наскальный рисунок, который был известен на момент проведения исследования авторами рассматриваемой статьи. Авторы статьи о святилище Шамхаг-Байсан указывали на вполне вероятную взаимосвязь двух его объектов: рисунка и «Стрелы Гэсэра», даже в том случае, если эти объекты не одновременны (Антонова, Миягашев, 2013, с. 107).

В 2020 г. скальные плоскости святилища Шамхаг-Байсан подверглись дополнительному обследованию с применением цифровой обработки их фотографий, в результате которого было выявлено еще три пункта с наскальными рисунками (Ташак, 2020). Интересно, что в одной из композиций с наскальными изображениями, получившей обозначение как «композиция 4», есть изображения массивных коротких стрел (Ташак, 2020, с. 13). Ближайшие аналогии наскальным рисункам утеса Шамхаг-Байсан можно выявить среди наскальных рисунков нижнего течения Оки и по берегам Ангары (Окладников, 1966). На основе корреляций рисунков из Приангарья с рисунками Шамхаг-Байсана возраст последних может быть определен в рамках неолитической эпохи (Ташак, 2020, с. 15).

С целью определения возраста «Стрелы Гэсэра» в 2017 г. были проведены специальные исследования, в ходе них рядом с объектом был заложен шурф, из которого стали доступны для отбора рыхлые отложения под каменной кладкой. Из-под одного крупного и плоского скального обломка в кладке был взят образец почвы для проведения радиоуглеродного анализа, согласно которому возраст почвы под каменной кладкой составил 1570 ± 100 л.н. (ЛУ-8931) (Ташак, Антонова, Кобылкин, 2019). Калиброванный возраст, рассчитанный в программе OxCal 4.4 (Bronk Ramsey, 2009; Reimer et al., 2020), составляет от 1540 до 1351 л.н. с вероятностью 68,3%, или приходится на диапазон от 410 до 599 гг. н.э. Определение возраста каменной кладки носит предварительный характер и требует дополнительных исследований для его уточнения, но указывает на то, что этот объект был построен значительно позже появления рисунков на скале.

Следует заметить, что часть площади возле существовавшего до начала XX в. Окинского караула, на которой находились описываемые первыми исследователями каменные кладки (Кропоткин, 1867; Ровинский, 1871), в настоящее время занята селом Саяны, строительство которого привело к уничтожению значительного числа древних каменных конструкций. Кроме этого, территория некогда единого поля каменных кладок оказалась разорванной сельскими усадьбами, что привело к выделению Д.А. Миягашевым вместо «могильника» Саяны-1, описанного Б.Б. Дашибаловым (1994, л. 4, 5), двух отдельных могильников — Ока, пункт 1 (южный) и Ока, пункт 2 (северный), как археологических объектов (Миягашев, 2012). В настоящее время на каждом из них насчитывается по 17 искусственных конструкций из камня. «Стрела Гэсэра» находится в 220 м к югу от северо-западной группы кладок пункта 2 «могильника» Ока, занимающего северную окраину села Саяны. Площадь между селом и «Стрелой Гэсэра» активно осваивалась местными жителями, здесь наблюдаются остатки зданий и изгородей, расчищенный участок под футбольное поле и прочие следы антропогенного воздействия. Возможно, на этой территории до возникновения села также находились каменные конструкции, подобные тем, что отмечены на археологическом объекте Ока.

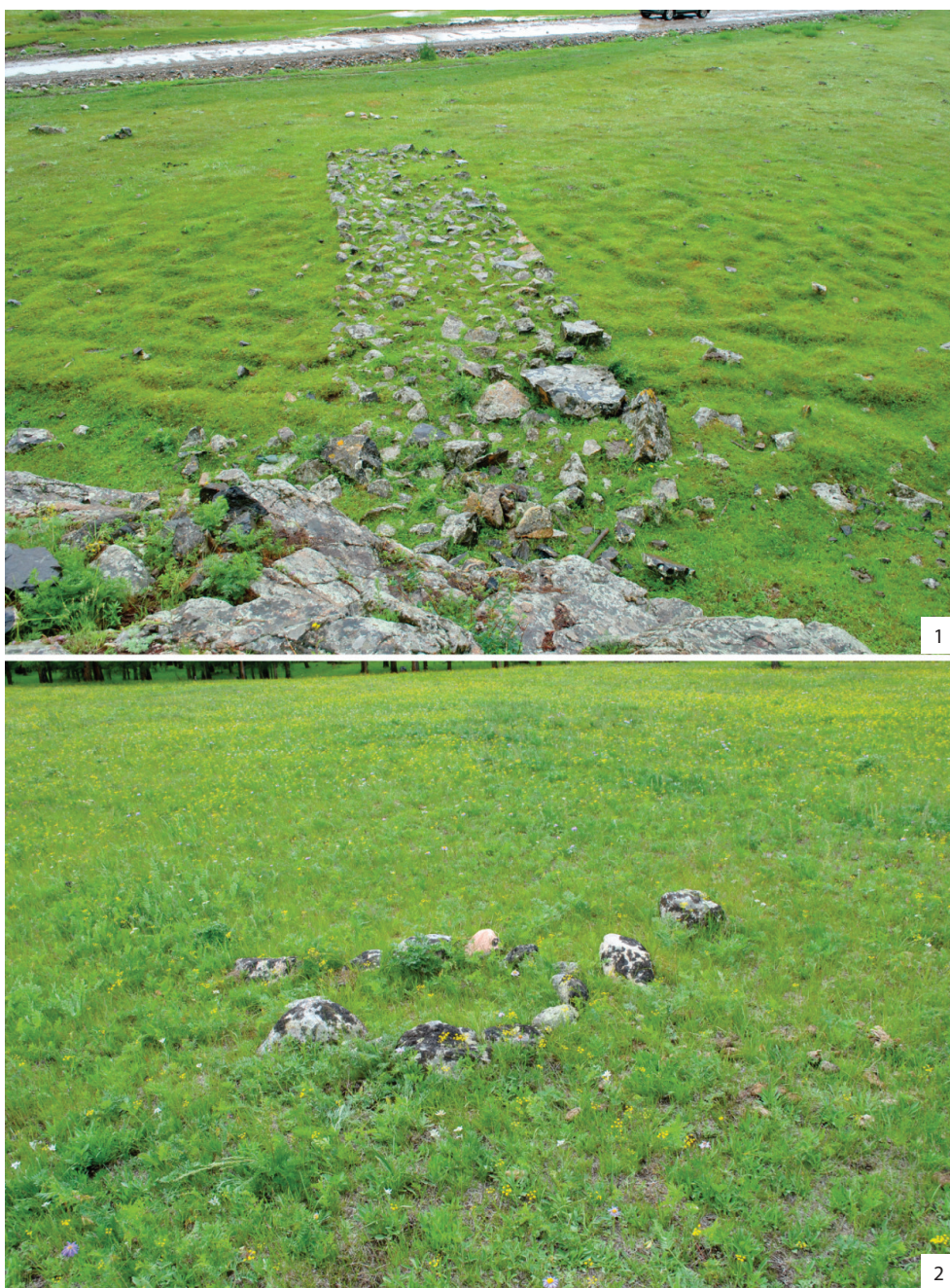

Рис. 2. 1 – Шамхаг-Байсан, «Стрела Гэсэра», снято с запада;

2 – Шарза-2, кольцевая кладка, снято с юга (фото В.И. Ташака)

Fig. 2. 1 – Shamkhag-Baysan, "Geser's Arrow", removed from the west;

2 – Sharza-2, circular masonry, removed from the south (photo by V.I. Tashak)

Рис. 3. Зун Номто-Гол-1, кольцевая кладка, снято с юга: 1 – кладка до расчистки; 2 – кладка после расчистки (фото В.И. Ташака)

Fig. 3. Zun Nomto-Gol-1, circular masonry, removed from the south:
1 – masonry before clearing; 2 – masonry after clearing (photo by V.I. Tashak)

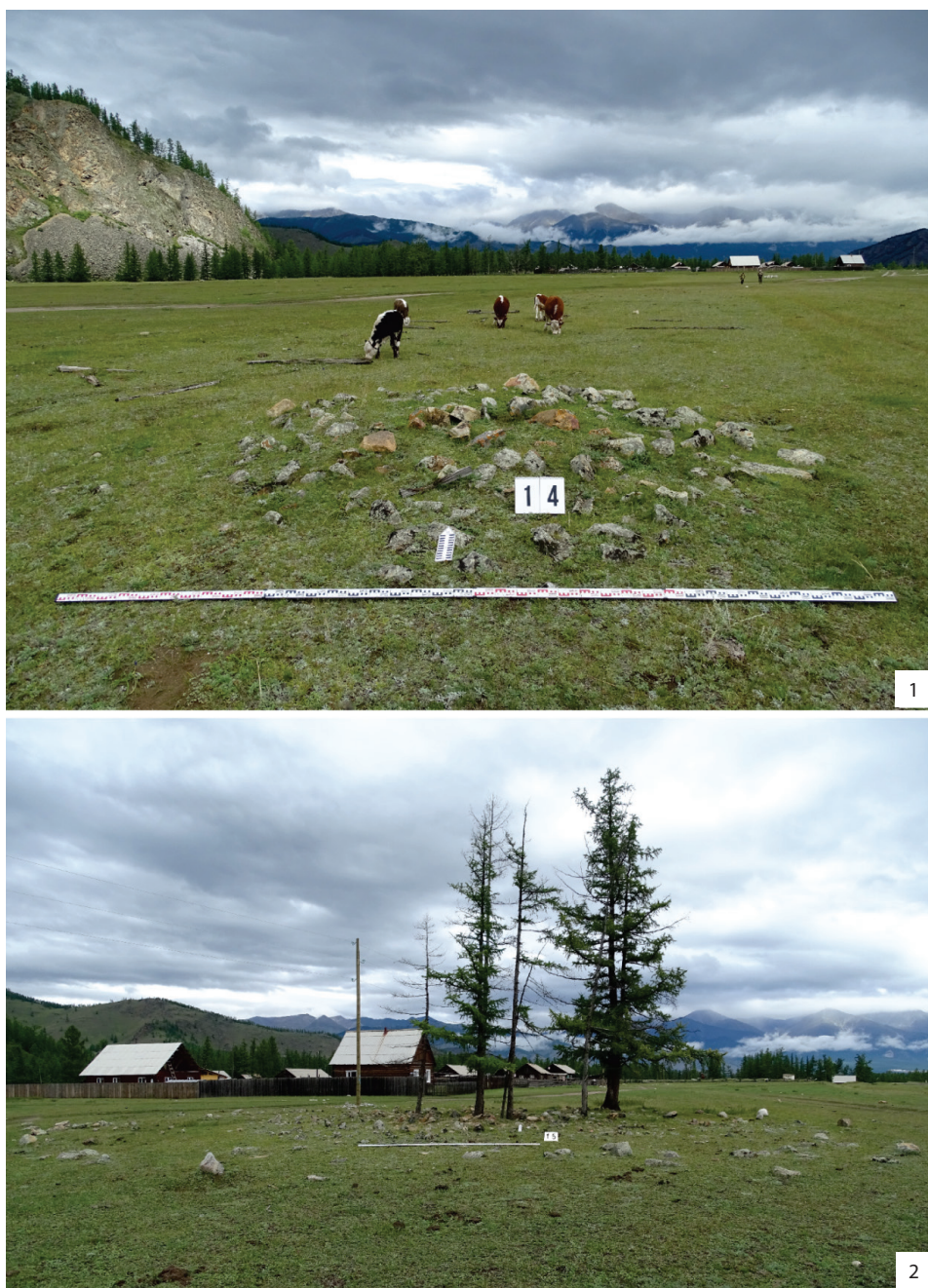

Рис. 4. Ока (Саяны-1), пункт 1: 1 – кладка ритуального комплекса 14, снято с юга;
2 – кладка комплекса 15 – херексур, снято с юга (фото М.А. Портнягина)

Fig. 4. Oka (Sayany-1), point 1: 1 – masonry of the ritual complex 14, removed from the south;
2 – masonry of the complex 15 – hereksur, removed from the south (photo by M.A. Portnyagin)

Указанные в отчете Б.Б. Дашибалова жертвенники представляют собой небольшие, в поперечном сечении около 1 м, кольцевые или четырехугольные выкладки из камней, похожие на очаги. По поводу одного из них — Хурга-3, выдвинуто предположение, что это место проведения поминальных тризн в эпоху Средневековья (Дашибалов, 1994, с. 2). Подобные жертвенники всегда располагаются по краям высоких террасовидных уступов, возвышающихся над долинами рек. Помимо указанных жертвенников, кольцевые выкладки из камней, которые можно интерпретировать как ритуальные, фиксируются и на археологическом объекте Шарза-2, на правом берегу реки Жомболок. Б.Б. Дашибалов, охарактеризовавший этот памятник как старобурятский могильник, состоящий из трех захоронений, не упоминает о находящейся рядом с небольшими (диаметр немногим более 1 м) курганообразными кладками кольцевой кладки также диаметром около 1 м (рис. 2.-2). Археологический объект содержит три каменные конструкции, расположенные в линию на краю высокого уступа, образованного остатками «прорезанной» водами реки ледниковой морены. Завершает общую композицию линия камней длиной около 2 м, расположенная в 20 м восточнее группы кладок. Еще один объект, в отчете Мягашева (2012, с. 26) названный как могильник Обтой, с аналогичным числом элементов и аналогичной структурой, находится также на краю обрывистого уступа левобережья реки Жомболок.

Округлая ритуальная кладка, аналогичная округлым кладкам долины Жомболока, была обнаружена в 2020 г. В.И. Ташаком в 5,5 км на северо-восток от села Саяны, на левобережье р. Ока (Аха). Каменное кольцо располагается в местности Зун Номто-Гол, на краю высокого (более 30 м над уровнем реки) террасообразного уступа, образованного застывшим лавовым потоком, изливавшимся из вулканов в верховьях реки Жомболок (Обручев, Лурье, 1954). Непосредственно по каменной кольцевой кладке прошла накатанная автомобильная колея (рис. 3.-1). Благодаря плотному грунту и небольшому количеству транспорта, проезжающего здесь, каменное кольцо пока не разрушено. В ходе исследования кольцевой кладки (рис. 3.-2) установлено, что внутри каменной конструкции разжигался огонь, в котором были сожжены кости животных, вероятно, с остатками мяса. Пережженные и непережженные мелкие обломки костей малочисленны, что позволяет прийти к выводу об однократном использовании жертвенника. За пределами каменной кладки какие-либо находки не обнаружены. Данным исследованием подтверждается определение в качестве жертвенников небольших по размерам (диаметр около 1 м) кольцевых и прямоугольных кладок из камней.

Помимо большого количества плоских и курганообразных круглых каменных кладок диаметром от 3 до 6 м, сосредоточенных в окрестностях села Саяны (рис. 4.-1), здесь найдена более крупная каменная конструкция курганного типа с остатками оградки из камней (Ока, пункт 1, конструкция № 15, по нашей нумерации) (рис. 4.-2). Диаметр круглой оградки 27 м. Диаметр центральной насыпи 16,5 м. Посредине насыпи фиксируются контуры оплывшего четырехугольного раскопа размером 5,5×3,5 м, ориентированного длинной осью по азимуту 290°. Каменные сооружения, подобные конструкции № 15, характерны для курганов-херексуров (херексуров), основная территория распространения которых охватывает Западную и Центральную Монголию, а также прилегающие к ней области, в том числе Саяно-Алтайское нагорье и Южное Забайка-

лье. Ближайший к могильнику Ока херексур в настоящее время известен на северном берегу озера Хубсугул, на юго-восточной окраине сумонного центра Ханх — Овоотын Узуур-1 (Судал-1), комплекс 1 (Харинский, Ожередов, Эрдэнэбаатар, 2006). Расстояние между этими памятниками около 110 км. Херексур на южной окраине с. Саяны является самым северным в ареале распространения конструкций этого типа, что может свидетельствовать о проникновении носителей культуры оленных камней и херексуров, датирующейся в широком хронологическом диапазоне XV–VIII вв. до н.э. (Ënkhtör, Vemmann, Brosseder, 2018; Баярсайхан и др., 2018; Frohlich et al., 2009; Jeong et al., 2020; Wright, 2021), на Окинское плоскогорье с юга — с территории современной Монголии. Среди херексуров встречаются как погребальные сооружения, так и конструкции, в которых не отмечено следов захоронений. Их сооружение связано с иными ритуальными действиями (Эрдэнэбаатар, 2009; Broderick et al., 2014). Возможно, они являются кенотафами или поминальниками. В связи с этим правомерно рассматривать археологический объект Ока (Саяны-1) как большой ритуальный ансамбль, не включающий в свой состав погребальных конструкций, что подтверждают раскопки П.А. Ровинского. Центральное положение в этом ансамбле занимает керексур. Судить о том, был в нем кто-либо погребен или нет, в настоящее время сложно. Его центральная часть раскопана (вероятно, грабительские раскопки), и дальнейшие исследования этого крупнейшего в Окинском районе искусственного сооружения, оставленного древними обитателями, вряд ли внесут определенность в представления о его функциональном назначении.

Для понимания особенностей конструкции каменных кладок Горной Оки и их функционального назначения требовались дополнительные исследования, которые и были начаты в 2020 г. на археологическом объекте Шаснур-3. С момента его обнаружения считалось, что это могильник, но раскопочные работы опровергли это предположение.

Исследования археологического объекта Шаснур-3

Первая планомерная археологическая разведка в Окинском районе Бурятии была проведена в 1994 г. Б.Б. Дашибаловым. В районе улуса Шаснур им было обозначено семь археологических объектов, в том числе одиночный каменный курган, обозначенный им как Шаснур-3, могильник (Дашибалов, 1994, с. 9–10). Последующие исследования в районе улуса проводились с конца 1990-х гг. геологами Института земной коры ВСФ СО РАН. В ходе разведочных работ С.Г. Аржанниковым было выявлено несколько пунктов сбора подъемного материала. Большая часть из них концентрировалась вдоль проселочной дороги, следующей вдоль р. Сенцы, в окрестностях улуса Шаснур. Всего А.Г. Аржанниковым выявлено шесть археологических объектов, координаты которых были приведены в статье, вышедшей в 2010 г. Название объектов и обнаруженный на них материал указаны не были (Аржанников и др., 2010, с. 293).

В 2012 г. Д.А. Миягашевым для ряда археологических объектов Окинского района были определены границы и предпринято координирование их поворотных точек. Эти работы проводились и на объектах археологического наследия (далее ОАН) «Шаснур. Стоянка. Пункт 1», «Шаснур. Стоянка. Пункт 2» и «Шаснур. Могильник» (Миягашев, 2012, с. 33–35). В общей сложности к 2020 г. в окрестностях улуса Шаснур было выявлено десять археологических объектов, девять из которых имели название Шаснур и один — Хутэл. В процессе систематизации архивных и литературных источни-

ков пришлось уточнять их порядковую нумерацию. За ее основу была взята нумерация, использованная Б.Б. Дашибаловым. К отмеченным им семи археологическим объектам было добавлено еще три памятника, исследованных отрядом под руководством С.Г. Аржанникова и Е.М. Инешина (Аржанников и др., 2010). Памятник, известный в списках ОАН Комитета государственной охраны объектов культурного наследия АГИП Республики Бурятия как «Шаснур. Могильник», решено было именовать Шаснуром-3, присвоив ему номер, который закреплен за ним в отчете Б.Б. Дашибалова (1994, с. 9).

Археологический объект Шаснур-3 находится в северо-западной части Окинско-го района, в 250 м к северу от улуса Шаснур. Памятник локализуется на левом берегу р. Сенца, на 16–19-метровой речной террасе, расположенной к юго-востоку от проселочной дороги, идущей в с. Орлик. С восточной стороны терраса заканчивается крутым склоном, спускающимся к реке. С юго-западной стороны она ограничена ложиной, заросшей лиственницами. В западном направлении терраса тянется до подножия горного хребта, отделяющего долину Сенцы от долины р. Жомболок. С северо-восточной стороны терраса плавно понижается, спускаясь к Сенце. Кроме основной проселочной дороги, следующей вдоль реки и пересекающей северо-западную часть террасы, через ее юго-восточную часть проходят еще две проселочные дороги, следующие параллельно друг другу в Шаснур.

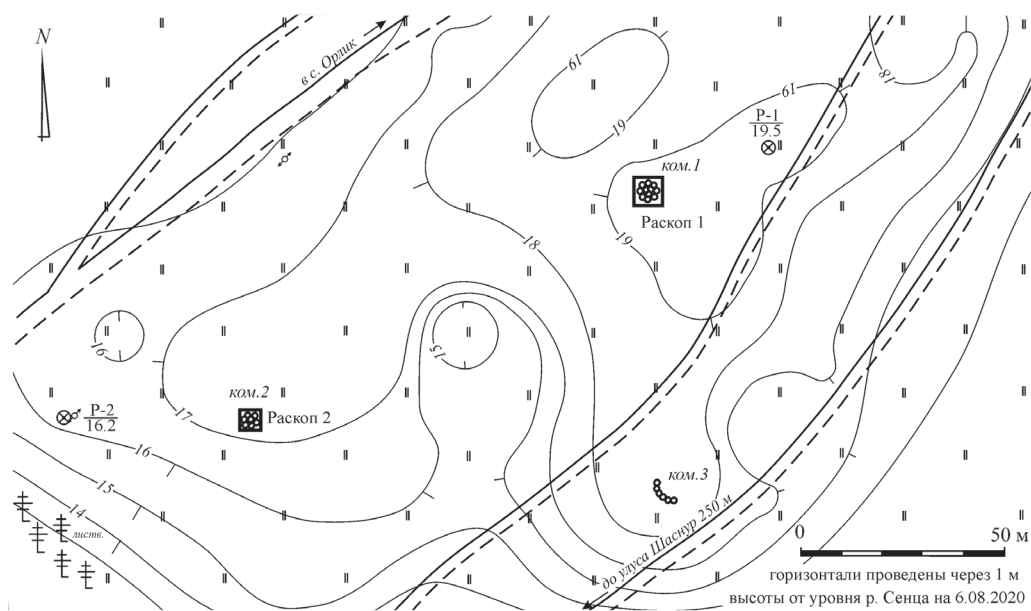

Рис. 5. Топографический план археологического объекта Шаснур-3
Fig. 5. Topographic plan of the archaeological site Shasnur-3

Во время осмотра террасы в 2020 г. на ней отмечено три искусственных конструкции из камня (рис. 5). Каждая из них обнаружена в разные годы. Кладка комплекса №1 зафиксирована в 1994 г. Б.Б. Дашибаловым, кладка комплекса №3 выявлена в 2012 г.

Д.А. Миягашевым, а кладка комплекса №2 — в 2017 г. В.И. Ташаком. Конструкция кладок различна. Вероятно, они были сооружены в разное время. Два из трех комплексов, обнаруженных на Шаснуре-3, — №1 и 2 вскрыты в 2020 г. На месте комплекса №1 заложен раскоп 7×7 м. С его помощью исследована круглая курганообразная кладка диаметром 5,5 м. Раскопом 5×5 м вскрыт комплекс №2 с плоской кладкой круглой формы диаметром 3 м. Обе конструкции были похожи на надмогильные сооружения.

Комплекс №1 локализовался в северной части памятника, в 147 м к востоку от реки Сенцы и в 60 м к юго-востоку от проселочной дороги, следующей в с. Орлик, на небольшом холмике, возвышающемся на 20 м над уровнем реки. В 20 м к юго-востоку от кладки проходила проселочная дорога, идущая в улус Шаснур. В 25 м к северо-востоку от комплекса фиксируются ряды деревянных столбиков, вкопанных в землю, вероятно, являвшихся основанием когда-то располагавшейся здесь хозяйственной постройки. Кладка комплекса №1 имела круглую курганообразную форму. Диаметр кладки 5,5 м, высота 25 см (рис. 6). Рядом с кладкой, на расстоянии не более 1 м от нее, располагались отдельные камни, возможно, перемещенные с основной конструкции. Кладка сложена из плотно прилегающих друг к другу камней размером от 8×8 см до 30×80 см. Два наиболее крупных камня-валуна располагаются в юго-восточной части конструкции. Вероятно, они были установлены позже остальных камней, так как их основания располагались на камнях, составляющих кладку. Северный из камней имел размеры 30×30 см и высоту 21 см, южный — размеры 36×40 см и высоту 34 см.

В северной части кладки фиксировался участок, на котором отсутствовали камни. Он имел форму дорожки, идущей от центра конструкции к ее краю. Его длина 2,5 м, ширина 20–50 см. Возможно, камни в этой части кладки были изъяты грабителями, надеявшимися найти под кладкой останки захоронения. Каменные конструкции Шаснура-3 сооружались на месте неолитической стоянки, поэтому при зачистке раскопа было встречено несколько предметов, относящихся к этому времени (рис. 6.-2, 3; 7.-3, 5).

По краям кладки камни уложены в один слой, а в центре — в 2–3 слоя. В ее основании располагались камни, образующие конструкцию, напоминающую овал размером 1,6×3,4 м, ориентированный по линии ЮВ–СЗ. В центральной части камни отсутствовали. Вероятно, они были извлечены грабителями. В северной части основания кладки найдена бронзовая трубка (рис. 7.-4). Она выполнена из прямоугольного листа бронзы удлинённой формы. Лист продольно закруглен. Его продольные стороны стыкуются, без наложения друг на друга. В районе стыка углы листа отогнуты. Изделие имело следующие параметры: длина 4,7 см; ширина 0,6–0,7 см, внутренний диаметр 0,6–0,7 см, толщина листа 0,03 см. На внешней стороне имелись вдавления округлой формы диаметром до 0,1 см. Вдавления группировались в «цепочки» и «розетки» до 4–5 вдавлений в композиции.

Под центром кладки зафиксировано небольшое углубление блюдцеобразной формы размером 60×120 см, проникающее до основания бурой супеси (рис. 7.-1, 2). Оно ориентировано по линии З–В и заполнено серой супесью. Края углубления пологие, дно горизонтальное. С разных сторон от углубления в слое бурой супеси зафиксированы отдельные камни, не образующие какой-либо конструкции. Ни в углублении, ни ниже него не было обнаружено каких-либо находок и следов захоронения.

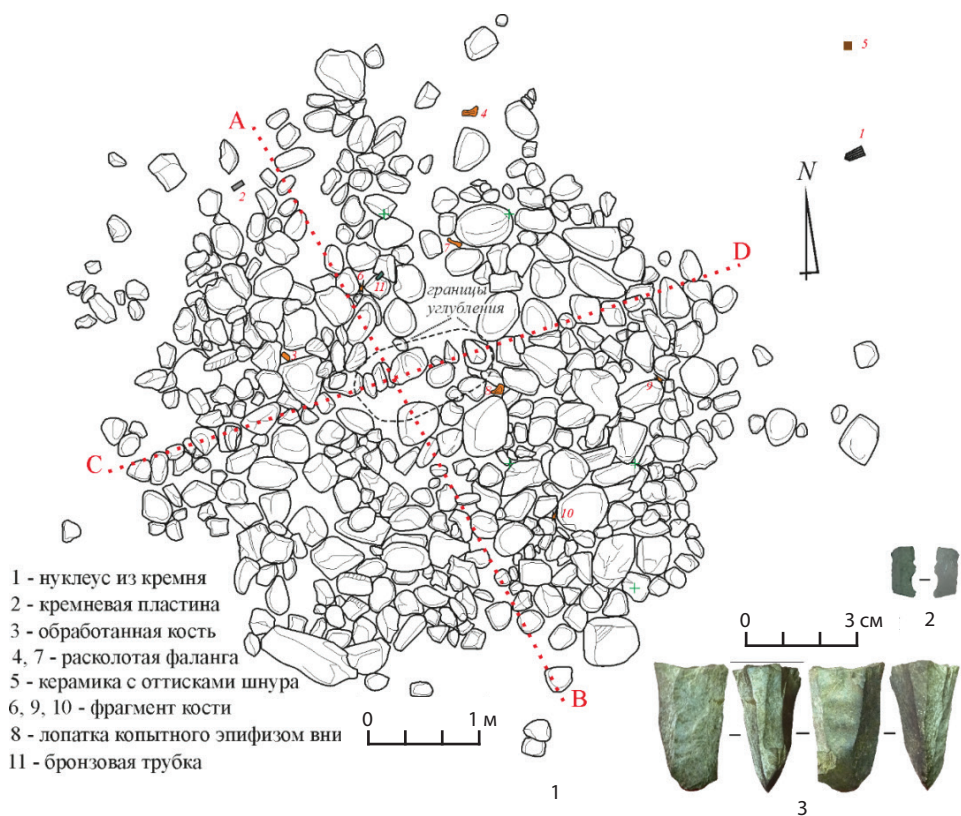

Рис. 6. Шаснур-3. Кладка комплекса 1 после расчистки: 1 — план; 2 — кремневая пластина; 3 — кремневый нуклеус; 4 — вид на кладку с запада (фото А.В. Харинского)

Fig. 6. Shasnur-3. Laying complex 1 after clearing: 1 — plan; 2 — silicon plate; 3 — flint core; 4 — view of the masonry from the west (photo by A.V. Kharinskii)

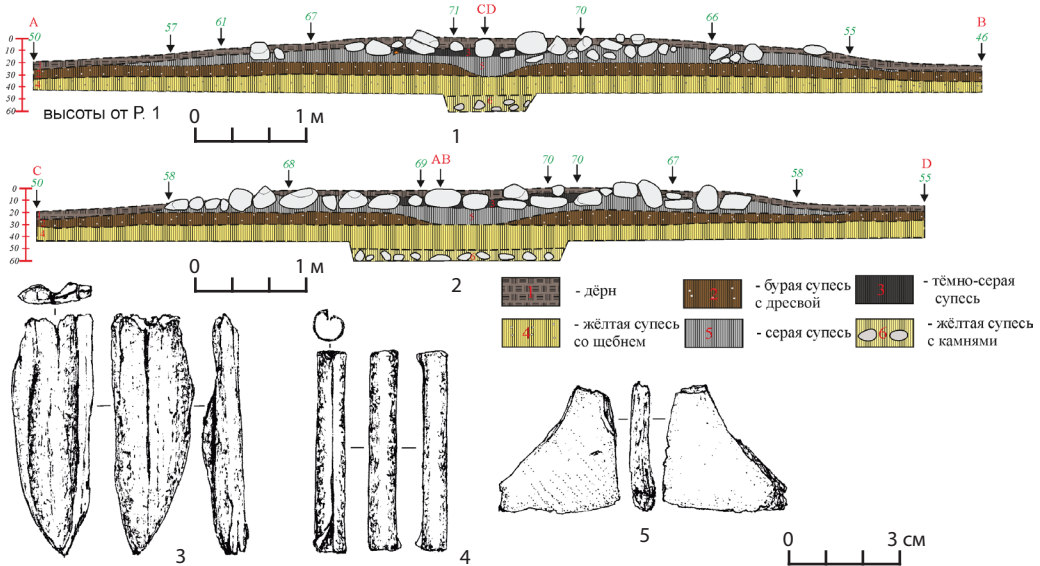

Рис. 7. Шаснур-3, комплекс 1:

1, 2 – стратиграфические разрезы; 3–5 – находки: 3 – кость; 4 – бронза; 5 – керамика

Fig. 7. Shasnur-3, complex 1:

1, 2 – stratigraphic sections; 3–5 – finds: 3 – bone; 4 – bronze; 5 – ceramics

Комплекс №2 находился в юго-западной части Шаснура-3, в 110 м от комплекса №1 по азимуту 239°, в 55 м к юго-востоку от проселочной дороги, следующей в с. Орлик, на высоте 17 м над уровнем реки. Кладка комплекса № 2 имела круглую форму. Ее диаметр 3 м, высота около 10 см (рис. 8). Кладка сложена из камней размером от 6×10 см до 32×40 см. Наиболее плотно камни уложены по краям конструкции. В западной части кладки они располагаются под разным углом к поверхности земли, что, вероятно, свидетельствует о их беспорядочном разбрасывании в результате разрушения конструкции в древности. В центре кладки зафиксировано семь камней, изменивших свое первоначальное положение. Три из них располагались наклонно. Их нижний край находился в углублении под центром кладки.

В разных частях раскопа найдены фрагменты костей животных, общее количество которых составляло 35 единиц. К какому времени они относятся, установить сложно. Возможно, они являлись частью культурного слоя неолитической стоянки, представленной изделиями из камня (рис. 8.-3; 9.-3), или оставлены во время сооружения кладки. Не исключено, что эти кости появились среди камней комплекса уже в настоящее время.

Среди камней кладки в северо-восточной части обнаружено два кремневых отщепов, в западной части — круглая белая бусина и фрагмент железной пластины (рис. 9.-1). Бусина имела оттенок сиреневого цвета. Форма шарообразная, поперечно усеченная с двух сторон (рис. 9.-4). Сквозное отверстие в середине бусины округлой формы, цилиндрическое в сечении. Бусина имела следующие размеры: ширина — 0,4 см, высота — 0,25 см, диаметр отверстия — 0,1 см, толщина стенок — 0,15 см.

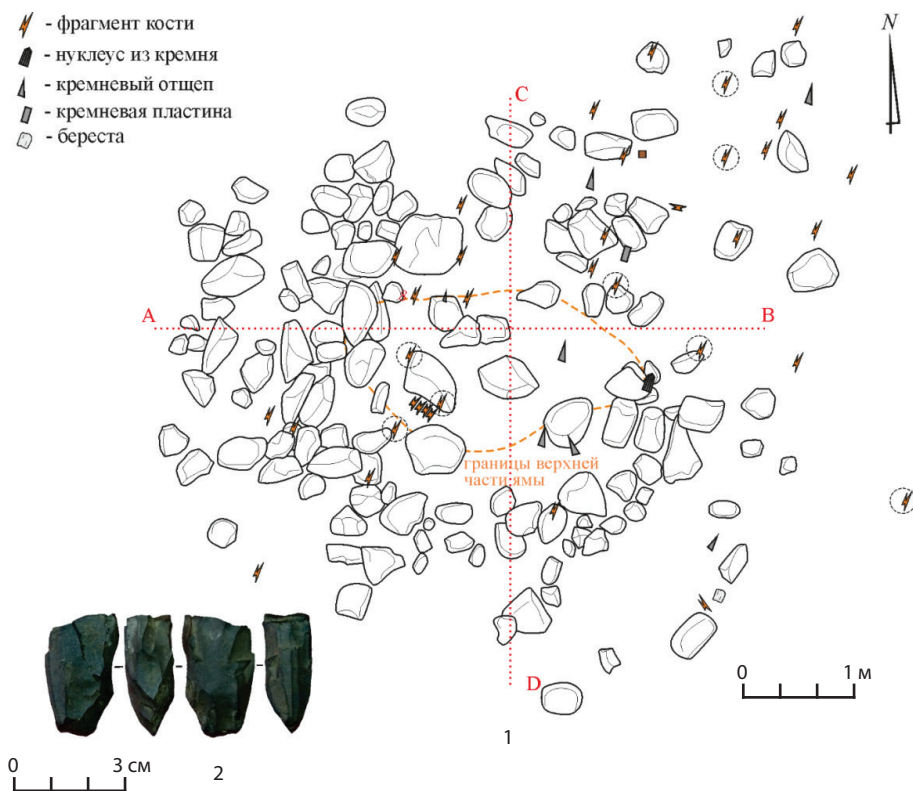

Рис. 8. Шаснур-3, комплекс 2, кладка после расчистки: 1 — план; 2 — кремневый нуклеус; 4 — вид на кладку с запада (фото А.В. Харинского)

Fig. 8. Shasnur-3, complex 2, laying after clearing: 1 — plan; 2 — flint core; 4 — view of the masonry from the west (photo by A.V. Kharinskii)

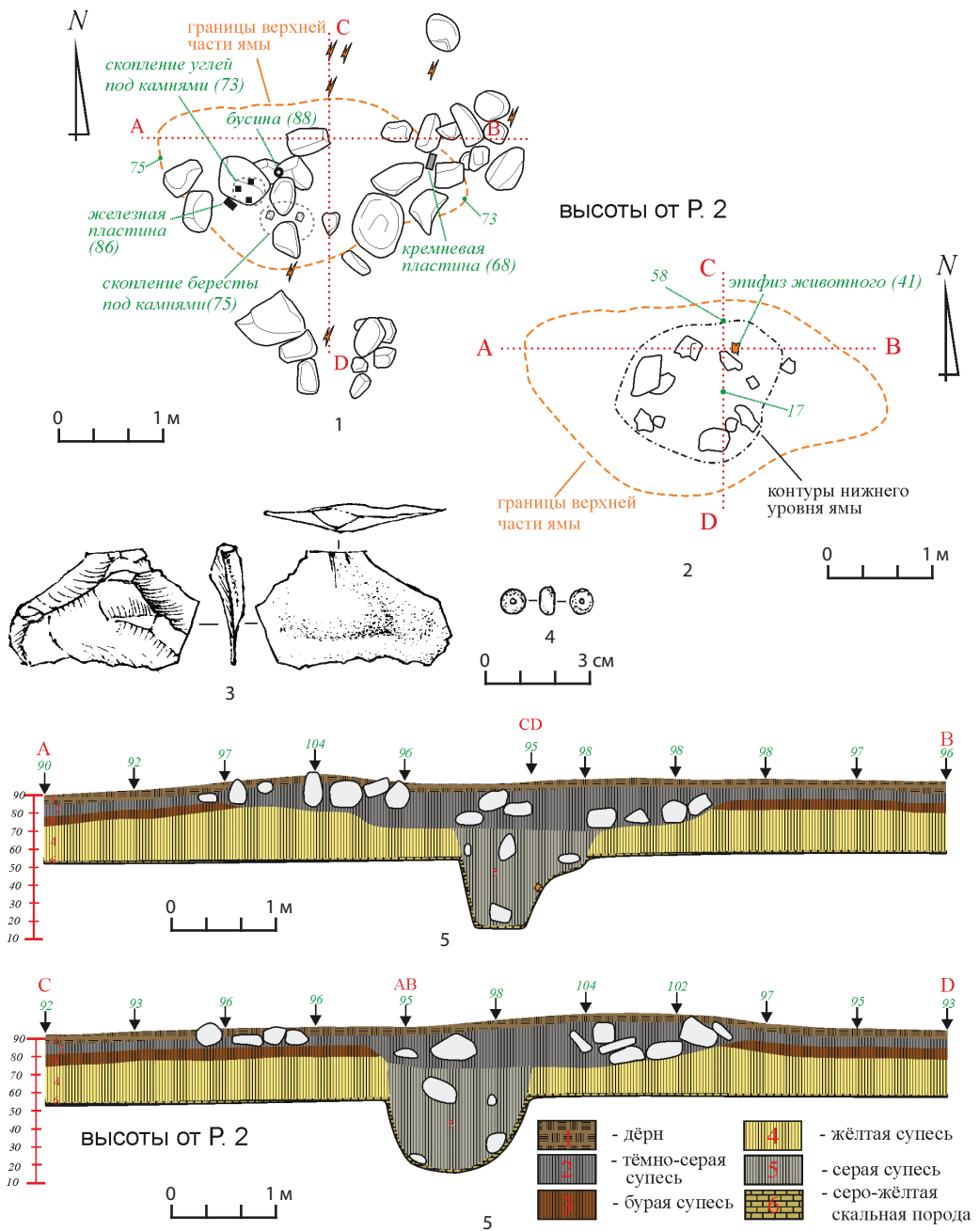

Рис. 9. Шаснур-3, комплекс 2: 1 – камни основания кладки; 2 – дно ямы; 3 – кремневый отщеп; 4 – бусина; 5, 6 – стратиграфические разрезы
 Fig. 9. Shasnur-3, complex 2: 1 – stones of the base of the masonry; 2 – the bottom of the pit; 3 – flint flake; 4 – bead; 5, 6 – stratigraphic sections

Под камнями основания кладки в западной части конструкции зафиксировано скопление бересты. К северо-западу от него отмечено скопление углей, образующих круг диаметром 16 см и мощностью 2 см. Под центральной частью кладки выявлено пятно темно-бурого цвета овальной формы размером 0,6×1,2 м, ориентированное по линии З–В (рис. 9.-1). В 50 см к северу от пятна в кровле слоя желтой супеси отмечены удлиненные угольные пятна, вероятно, являвшиеся следами сгоревших корней. К югу от гумусированного пятна в слое желтой супеси зафиксировано скопление камней, образовавшееся в результате разрушения скального основания.

В ходе зачистки гумусированного пятна выяснилось, что это верхняя часть заполнения искусственной ямы. Яма овальной формы размером 0,75×1,8 м ориентирована по линии с азимутом 100°. Она заполнена камнями размером от 5×8 см до 33×35 см. Ее глубина 65 см (рис. 9.-5, 6). В центре ямы располагались два крупных камня. Книзу яма уменьшалась, приобретая округлые очертания. Ее размеры составляли 6×80 см. У северного края ямы обнаружен нижний эпифиз плюсневой кости барана (рис. 9.-2).

Ни в яме, ни ниже нее не было найдено каких-либо следов захоронения. Вероятно, комплекс №2 являлся ритуальной конструкцией. Не исключено, что обнаруженная под кладкой яма является результатом грабительских раскопок. Она имела неправильную форму, уменьшаясь книзу.

Оба сооружения, раскопанных в 2020 г., вероятно, были ритуальными конструкциями. Под ними не зафиксировано следов захоронений. Каменные кладки сооружены на месте неолитических стоянок, поэтому на площади раскопов обнаружены изделия из камня, фрагменты керамической посуды и костей животных. Определить время сооружения комплексов №1 и 2 можно только предварительно в пределах середины I тыс. до н.э. — середины II тыс. н.э.

Еще в древности оба комплекса разрушены грабителями. Ими были частично разобраны каменные выкладки и под центральной частью кладок вырыты ямы. В результате этих действий часть камней из центра кладки была переброшена на ее периферию. Впоследствии, в ходе природных процессов, ямы были заполнены грунтом и камнями. К моменту раскопок 2020 г. следы грабительских ям на поверхности земли не фиксировались.

После работ 2020 г. на археологическом объекте Шаснур-3 остался не раскопанным только комплекс №3 с дугообразной кладкой. Он локализуется в 72 м к югу от комплекса №1 и в 98 м от комплекса №2 по азимуту 99°, в юго-восточной части памятника. Сооружение располагается на холмике, возвышающемся на 19 м над уровнем реки, с северо-западной и юго-восточной стороны от которого проходят проселочные дороги, следующие в улус Шаснур. На поверхности земли комплекс обозначен каменной выкладкой, напоминающей дугу, изогнутую в сторону Шаснура, по азимуту 210°. В центре дуги имеется разрыв шириной 80 см. Основание (хорда) дуги составляет 4,7 м. Высота изгиба 1,7 м. С двух сторон от разрыва (прохода) фиксируются выкладки камней. Юго-восточная из них состоит из камней размером от 11×17×5 см до 23×33×14 см. Камни уложены в 1–2 слоя, в 3–4 ряда. В 40 см от юго-восточной оконечности выкладки на боковую грань установлен камень размером 20×34 см и высотой 20 см, ориентированный длинной осью по азимуту 195°. Северо-западная выкладка сложена из кам-

ней в 1 слой и в 2–3 ряда. Ее составляют камни размером 3×10×10 см до 17×12×5 см. В 25 см от северо-западного края выкладки на боковую грань установлен камень размером 17×48 см, высотой 35 см, ориентированный длинной осью по азимуту 212°. Кладку № 12 можно охарактеризовать как ритуальную конструкцию и предварительно датировать периодом с XVII по начало XX в.

Обсуждение и заключение

К настоящему времени на территории Окинского плоскогорья отмечено несколько искусственных конструкций из камня, которые можно трактовать как древние ритуальные сооружения. На их возраст отчасти указывает степень задренованности камней и покрытие поверхности лишайником. Сформированное в 1970-х гг. распределение археологических объектов с наземными каменными кладками на могильники и жертвенники на основе их размеров опирается на общую ситуацию, характерную для Западного Забайкалья. Вместе с тем, возвращаясь к результатам работ П.А. Ровинского 2-й половины XIX в. в окрестностях современного с. Саяны и археологическим раскопкам на Шаснуре-3, следует заметить, что и крупные наземные кладки не всегда являются надмогильными сооружениями. Обобщенно их можно обозначить как ритуальные сооружения, но дать более определенную характеристику назначению этих конструкций бывает очень сложно. В подобных случаях приходится прибегать к этнографическим и историческим параллелям, чтобы хоть как-то объяснить функциональное назначение объекта исследования.

Прибегая к определенной схематизации, известные к настоящему времени в Горной Оке ритуальные сооружения можно разделить на небольшие конструкции из камней кольцевой, круглой или четырехугольной формы диаметром до 2 м и крупные круглые плоские или курганообразные кладки диаметром 3–6 м. Первые из них располагаются на возвышенных открытых местах напротив какого-либо природного объекта горы, скалы, источника, пастбища и т.д. Подобные конструкции находят аналогии в современной обрядовой практике бурят-хонгодоров, проживающих в Окинском районе¹. Небольшие конструкции из камней или одного камня сооружаются во время проведения обряда хан табилга, связанного с почитанием и угощением «хозяев местности». Руководят проведением обряда знатоки обрядовой практики или главы семей, представляющих группу участников этого сакрального действия. Участники обряда обращаются к хадан бурхадта — хозяину местности, местопребывание которого ассоциируется с истоком ручья, горой, перелеском или иными природными объектами. Для проведения обряда сооружается конструкция, называемая хан (ханга). Она устанавливается на возвышенном месте. Иногда ее основанием служит деревянная чурка или поставленные друг на друга две чурки. Сверху укладывается плоский камень — шулуун. На нем разводится костер. В огонь подкладывают угощение для «хозяина» — печенье, пряники, конфеты без оберток, сметану, подливают алкоголь, кладут веточки можжевельника. Можжевельник — арса считается у окинцев священным растением

¹ Информация получена от: Нимаевой (девичья фамилия — Осохеева) Соёлмы Алексеевны, родилась в с. Орлик в 1980 г., из рода уляв; Елены Евгеньевны Сыреновой (девичья фамилия — Бамбалаева), родилась в с. Орлик в 1990 г., из рода хоход Муртэн; Шарастепанова Баира Дашеевича, родился в улусе Алак-Шулун в 1960 г., род мотонго.

и его всегда используют во время обрядовой практики. В отличие от других групп бурят, чабрец — аяганга у хонгодоров не считается священным растением. Если на месте проведения обряда хан табилга нет чурок, то камень или несколько камней для подношения укладывают прямо на земле.

Проведение обряда хан табилга связано с разными жизненными ситуациями. Его обязательно проводят в каждом дворе во время сагалгана — Нового года по лунному календарю. Руководит обрядом хозяин семьи. Каждый член семьи делает как минимум три круга — горо вокруг хан по часовой стрелке. Можно сделать и больше — семь или девять кругов. Участники обряда движутся вокруг хан, сложив вместе ладошки, и каждый кладет в огонь от себя подношение — Үргэнэ наиболее значимым «хозяевам местности» Горной Оки. Во время новогоднего обряда у «бурханов» просят всевозможных благ для семьи — здоровья, рождения ребенка, поступления в университет и т.д.

Обряд хан табилга также проводят в любом месте, где окинцы надолго останавливаются или собираются заниматься какой-либо деятельностью — пасти скот, собирать растения, охотиться и т.д. Когда они приезжают в горы на заготовку можжевельника, делают обряд хан табилга — иначе, как считается, обязательно пойдет дождь и затруднит сбор этого священного растения. На пастбище, где выпасают скот, также необходимо сделать подношение «хозяину» и задобрить его. Если он обидится, то может случиться какая-нибудь неприятность с животными, например медведь задерет корову. В священном месте во время проведения обряда хан табилга на ветки деревьев привязывают разноцветные ленточки — зурмадан. Перед тем как привязать к веткам, ленточки «очищают» над огнем, который горит на хан.

Обряд хан табилга проводится в любом связанном с деятельностью людей месте, в том числе в археологическом лагере. В июле 2021 г. наш археологический лагерь располагался в местности Зун Номто-Гол, на левом берегу р. Оки, в 6,2 км к северо-востоку от с. Саяны. В этой местности священным объектом является скала Улан байса, расположенная на правом берегу реки, в том месте, где Ока поворачивает на запад. Проживающий в этой местности фермер Соёл Владимирович Сандаков каждый месяц, девятого числа по лунному календарю, делает обряд хан табилга, обращаясь к хозяину скалы Улан байса.

На территории археологического лагеря через три дня после его установки обряд хан табилга проводил директор средней школы с. Орлик Б.Д. Шарастепанов. Он обратился к хозяину Улан байса с просьбой помочь благополучно провести археологические работы и послать хорошую погоду. Все присутствовавшие в лагере сделали хозяину местности Үргэнэ и обошли вокруг хан три раза. При этом считается, если подношения, предназначенные «хозяину местности», полностью сгорят на ритуальном костре, то он их принял и его расположение участникам обряда будет обеспечено.

Небольшие каменные ритуальные кладки размером до 2 м, обнаруженные на территории Горной Оки, вполне могли выполнять те же самые функции, что и каменная конструкция хан: служить алтарем для подношений хадан бурхадта. Раскопки на археологическом объекте Зун Номто-Гол-1 подтверждают эту версию. Среди камней этой кладки обнаружены пережженные косточки животных — подношение «хозяину местности».

Другой тип ритуальных кладок Горной Оки — плоские или курганообразные конструкции диаметром от 3 до 6 м, похожие на надмогильные кладки, можно характери-

зовать как кенотафы — имитацию погребальных сооружений. Они сооружались в память о человеке, останки которого не были доставлены к месту захоронения. У бурят хонгодоров существовала традиция, следуя которой, если человек умирал на стороне, например во время военного похода, и его тело не могли привезти на родину для захоронения, то спутники — свидетели его смерти привозили мешочек — сондой, в котором находилась прядь волос умершего. Эту прядь волос в мешочке хранили в родительском доме, чаще всего у алтаря, с момента проведения обряда обрезания волос — милан. До года ребенка старались не показывать посторонним людям. Когда истекал этот срок, то в назначенное время у дома, где жили родители ребенка, собирали родных и близких. В обряде участвовали бабушки — теэвэ, дядя с отцовской стороны — абгай и дядя с материнской стороны — нагаса. Волосы ребенку обстригал нагаса. Одна прядь срезанных волос укладывалась в мешочек из шелка (торгон). Иногда ее скатывали в шарик. Когда человек надолго покидал родные места, он вешал на шею сондой со своими волосами, и этот мешочек становился оберегом. Он должен был поддерживать его связь с родственниками и Родной Землей и защищать от неприятностей. Когда человек умирал, мешочек с прядью волос хоронили вместе с ним. Если же тело умершего было невозможно доставить к месту погребения, то в могильной конструкции погребали сондой с его волосами. Возможно, древним свидетельством этого обряда являются каменные кладки, раскопанные на Шаснуре-2 и напоминающие по своей конструкции надмогильные сооружения.

Предложенный вариант объяснения назначения малых и крупных каменных ритуальных конструкций, известных на территории Окинского плоскогорья, безусловно, носит гипотетический характер, но представляет возможность провести параллели между сакральными представлениями древнего и современного населения юго-восточного Саяна и попытаться объяснить некоторые аспекты их мировоззрения.

Хонгодоры наряду с эхиритами, булагатами и хори являются монголоязычной этнической группой (племенем), составившей основу современного бурятского народа. К настоящему времени хонгодоры проживают на территории Окинского, Тункинско-го и Закаменского районов Бурятии, а также в Аларском районе Иркутской области. Осознавая единство своего происхождения, эта группа бурят имеет схожие культурные традиции. Насколько они близки у разных территориальных групп хонгодоров, сказать сложно, исследования подобного рода пока не предпринимались. В связи с этим говорить о широком распространении отмеченных у окинцев представлений о назначении отдельных конструкций из камня, носящих сакральный характер, пока не приходится.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Антонова Ю.Е., Миягашев Д.А. Шамхаг-Байсан как культовый объект древности в долине р. Ока (запад Бурятии) // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. История. 2013. №3(23). С. 103–107.

Аржанников С.Г., Инешин Е.М., Аржанникова А.В., Снопков С.В. Палеогеографическая обстановка обитания человека в долинах рек Окинского плоскогорья в Восточном Саяне (на примере долины р. Сенца) // Известия Лаборатории древних технологий. 2010. Вып. 8. С. 291–302.

Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т., Тэйлор В., Батсайхан З., Лаури Б. Бор шорооны амны дурсгалт газарт хийсэн архиологийн судалгаа // НҮҮДЭЛЧДИЙН ӨВ СУДЛАЛ. Улаанбаатар, 2018. ТОМ-ХИХ-II, FASC 1-24. С. 5–28.

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники Окинского района Республики Бурятия. Улан-Удэ, 1994 // Архив научно-производственного центра Охраны памятников, инв. №64. 67 с.

Кропоткин П.А. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Книжки IX и X. Иркутск : Типография Окружного штаба, 1867. С. 1–94.

Миягашев Д.А. Отчет о выполнении работ по установлению границ территорий объектов археологического наследия Окинского района Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2012 // Архив научно-производственного центра Охраны памятников, инв. №205. 42 с.

Обручев С.В., Лурье М.Л. Вулканы Кропоткина и Перетолчина в Восточном Саяне // Труды лаборатории вулканологии. Вып. 8. М. : Изд-во АН СССР, 1954. С. 210–225.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.; Л. : Наука, 1966. 322 с.

Ровинский П.А. О поездке на Тунку и на Оку до Окинского караула // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск : Изд-во типографии Синецины, 1871. С. 31–52.

Савельев Н.А. Вклад Б.Э. Петри в изучение сибирского неолита // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1991. 252 с.

Ташак В.И. Новые исследования наскальных рисунков Окинского плато // Вестник БНЦ СО РАН. 2020. №4 (40). С. 9–17. DOI: 10.31554/2222-9175-2020-40-9-17

Ташак В.И., Антонова Ю.Е., Кобылкин Д.В. Естественнонаучные методы в решении вопросов хронологии каменных конструкций в древних святилищах // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. Кн. 1. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 176–177.

Харинский А.В., Ожередов Ю.И., Эрдэнэбаатар Д. Северное побережье озера Хубсугул в эпоху палеометалла // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 115–125.

Эрдэнэбаатар Д. Краткий очерк археологических исследований в Монголии // Известия лаборатории древних технологий. 2009. Вып. 7. С. 113–148.

Broderick L.G., Houle J.L., Seitsonen O., Bayarsaikhan J. The mystery of the missing caprines: stone circles at the great khirigsuur in the Khanuy Valley // *Studia Archaeologica*. 2014. Т. XXXIV. Pp. 164–174.

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // *Radiocarbon*. 2009. N51(1). Pp. 337–360.

Ënkhtör A., Bemann J., Brosseder U. The first excavations of bronze and iron age monuments in the middle Orkhon Valley, Central Mongolia: results from rescue investigations in 2006 and 2007 // *Asian Archaeology*. Research Center for Chinese Frontier Archaeology (RCCFA) and Springer Nature Singapore Pte Ltd. 2018.

Frohlich B., Amgalantögs T., Littleton J., Hunt D., Hinton J., and Goler K. Bronze Age burial mounds in the Khövsgöl Aimag, Mongolia. In Bemmann J., Parzinger H., Pohl E., and Tseveendorzh D. (eds.), *Current Archaeological Research in Mongolia*, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität. Bonn, 2009. Pp. 99–115.

Jeong C., Wang K., Wilkin S., Taylor W.T.T., Miller B.K., Bemmann J.H., Stahl R., Chiovelli C., Knolle F., Ulziibayar S., Khatanbaatar D., Erdenebaatar D., Erdenebat U., Ochir A., Ankhsanaa G., Vanchigdash C., Ochir B., Munkhbayar C., Tumen D., Kovalev A., Kradin N., Bazarov B.A., Miyagashev D.A., Konovalov P.B., Zhambaltarova E., Miller A.V., Haak W., Schiffels S., Krause J., Boivin N., Erdene M., Hendy J., Warinner C. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe. *Cell* 183, 890–904, November 12, 2020.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., ... Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. N62(4). Pp. 725–757. doi:10.1017/RDC.2020.41

Wright J. Prehistoric Mongolian Archaeology in the Early 21st Century: Developments in the Steppe and Beyond // *Journal of Archaeological Research*. 2021. Springer.

REFERENCES

Antonova Yu.E., Miyagashev D.A. Shamhagbaisan as a sacral object of antiquity in the Oka river valley (western Buryatia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Tomsk State University. Journal of History*. 2013;3(23):103–107. (In Russ.)

Arzhannikov S.G., Ineshin E.M., Arzhannikova A.V., Snopkov S.V. Paleogeography conditions of human habitation in the valleys of the Oka Plateau in the Eastern Sayan Mountains (on the example of Sentsa River valley). *Izvestiya Laboratorii drevnih tehnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2010;8:291–302. (In Russ.)

Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т., Тэйлор В., Батсайхан З., Лаури Б. Бор шорооны амны дурсгалт газарт хийсэн архиологийн судалгаа. НҮҮДЭЛЧДИЙН ӨВ СУДЛАЛ. Улаанбаатар, 2018. ТОМ-ХИХ-II, FASC 1-24. С. 5–28. (In Mongolian)

Dashibalov B.B. Archaeological sites of the Oka Region in Buriatia Republic. Ulan-Ude, 1994. Arhiv nauchno-proizvodstvennogo centra Ohrany pamyatnikov, inv. No. 64 = The Archive of the Research, Development and Production Centre of the Cultural Heritage Protection. Inventory N64. 67 p. (In Russ.)

Kropotkin P.A. The Travel to the Oka Guard Fort. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Knizhki IX i X = Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Books IX and X. Irkutsk : Tipografija Okruzhnogo shtaba, 1867.. Pp. 1–94. (In Russ.)*

Miyagashev D.A. The Report of the Works on Distinguishing Boundaries of the Archaeological Sites in the Oka Region of the Buriatia Republic. Ulan-Ude, 2012. Arhiv nauchno-proizvodstvennogo centra Ohrany pamyatnikov, inv. №205 = The Archive of the Research, Development and Production Centre of the Cultural Heritage Protection. Inventory N205. 42 p. (In Russ.)

Obruchev C.V., Lurè M.L. Kropotkin and Peretolchin Volcanoes in Eastern Sayan. *Trudy laboratorii vulkanologii. Vyp. 8 = Proceedings of the Laboratory of the Volcanology. M. : Izdvo AN SSSR, 1954. Vol. 8. Pp. 210–225. (In Russ.)*

Okladnikov A.P. *Angara Petroglyphs*. M.; L. : Nauka, 1966. 322 p. (In Russ.)

Rovinskij P.A. About the Travel to Tunka and Oka as Far as Oka Guard Fort. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* = Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Irkutsk : Izd-vo tipografii Sinicyna, 1871. Pp. 31–52. (In Russ.)

Savel'ev N.A. B.E. Petri's Contribution to the Siberian Neolithic Investigations. *Paleoetnologicheskie issledovaniya na yuge Srednej Sibiri* = Paleoenological Investigations in the South of the Middle Siberia. Irkutsk : Izd-vo Irkutskogo universiteta, 1991. 252 p. (In Russ.)

Tashak V.I. New Studies of the Rock Arts in the Oka Plateau. *Vestnik BNC SO RAN* = Bulletin of the BSC SB RAS. 2020;4(40):9–17. (In Russ.) DOI: 10.31554/2222-9175-2020-40-9-17

Tashak V.I., Antonova Yu.E., Kobylkin D.V. Natural Science Methods in the Solution to Questions of Chronology of Stone Constructions in Ancient Sanctuaries. *Kochevye imperii Evrazii v svete arheologicheskikh i mezhdisciplinarnykh issledovanij*. Kn. 1 = Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies. Book 1. Ulan-Ude : Izd-vo BNC CO RAN, 2019. Pp. 176–177. (In Russ.)

Kharinskii A.V., Ozheredov Yu.I., Erdenebaatar D. The Northern Coast of Lake Khubsugul in the Paleometallic Time. *Ekologo-geograficheskie, arheologicheskie i socioetnograficheskie issledovaniya v YUzhnoj Sibiri i Zapadnoj Mongolii* = Ecological-geographical, Archaeological and Socio-Ethnographic Studies in Southern Siberia and Western Mongolia: Russian-Mongolian Collection of Scientific Works. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 115–125. (In Russ.)

Erdenebaatar D. A Brief Outline of Archaeological Research in Mongolia. *Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2009;9:113–148. (In Russ.)

Broderick L.G., Houle J.L., Seitsonen O., Bayarsaikhan J. The Mystery of the Missing Caprines: Stone Circles at the Great Khirigsuur in the Khanuy Valley. *Studia Archaeologica*. 2014;XXXIV:164–174.

Bronk Ramsey C. Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates. *Radiocarbon*. 2009;51(1):337–360.

Enkhtör A., Bemann J., Brosseder U. The First Excavations of Bronze and Iron Age Sites in the Middle Orkhon Valley, Central Mongolia: Results from Rescue Investigations in 2006 and 2007. *Asian Archaeology*. Research Center for Chinese Frontier Archaeology (RCCFA) and Springer Nature Singapore Pte Ltd. 2018.

Frohlich B., Amgalantögs T., Littleton J., Hunt D., Hinton J., and Goler K. Bronze Age Burial Mounds in the Khövsgöl Aimag, Mongolia. Bemann, J., Parzinger, H., Pohl, E., and Tseveendorzh, D. (eds.), *Current Archaeological Research in Mongolia*, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität. Bonn, 2009. Pp. 99–115.

Jeong C., Wang K., Wilkin S., Taylor W.T.T., Miller B.K., Bemann J.H., Stahl R., Chiovelli C., Knolle F., Ulziibayar S., Khatanbaatar D., Erdenebaatar D., Erdenebat U., Ochir A., Ankhsanaa G., Vanchigdash C., Ochir B., Munkhbayar C., Tumen D., Kovalev A., Kradin N., Bazarov B.A., Miyagashev D.A., Konovalov P.B., Zhambaltarova E., Miller A.V., Haak W., Schiffels S., Krause J., Boivin N., Erdene M., Henty J., Warinner C. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe. *Cell* 183, 890–904, November 12, 2020.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP). *Radio-carbon*. 2020;62(4):725–757. doi:10.1017/RDC.2020.41

Wright J. Prehistoric Mongolian Archaeology in the Early 21st Century: Developments in the Steppe and Beyond. *Journal of Archaeological Research*. 2021;Springer.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ташак Василий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

Vasily I. Tashak, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНТУ, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Artur V. Kharinskii, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Портнягин Матвей Александрович, лаборант-исследователь Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия.

Matvei A. Portniagin, Laboratory Assistant Researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleocology and Subsistence of Peoples of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 31.07.2021; одобрена после рецензирования 18.10.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 31.07.2021; approved after reviewing 18.10.2021; accepted for publication 15.11.2021.